В коллегию государственного института с[ельско]х[озяйственной] экономии

А.В. Чаянов

Публикуется архивный документ — письмо Александра Васильевича Чаянова (1888–1937), написанное в 1928 году и адресованное руководству Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии в ответ на критику его концепции крестьянского хозяйства со стороны аграрника-марксиста, сотрудника института Ивана Верменичева. В письме раскрываются обстоятельства написания и публикации статьи Чаянова «Современное состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистики в России». Документ характеризует атмосферу идеологических дискуссий и гонений на некоммунистическую научную мысль в СССР в конце 1920-х годов. Примечания составлены И.А. Кузнецовым.

Ключевые слова: история экономической мысли, организационно-производственное направление, крестьяноведение, А.В. Чаянов, И.Д. Верменичев

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-54-62

В № 10 журнала «На аграрном фронте» напечатана статья И. Верменичева «Об одной вылазке неонародника», содержание которой в некоторой своей части выходит за пределы научной критики и представляет собой ряд обвинений, которые мне кажутся необоснованными и совершенно незаслуженными мной.

Объектом критики И. Верменичева, судя по заглавию и первой странице статьи, является мой недавний обзор, помещенный в журнале «...»[1] в Париже. Однако при внимательном рассмотрении его статьи видно, что в сущности говоря, его критика направлена по адресу моей основной книги «Организация крестьянского хозяйства», изданной по-немецки в 1923 г. и по-русски в 1925 г.[2] Французская же работа, в которой на изложение самой теории крестьянского хозяйства затрачено в обзоре всего 29 строк, ничего нового не содержащих, взята Верменичевым, очевидно, для придания его статье большей политической остроты.

Сообразно этому я разделяю статью Верменичева на две части: научную критику моих работ (запоздалую на 5 лет), на которую я считаю необходимым ответить особой обстоятельной

1. Здесь и далее отточия и пропуски — так в тексте, название журнала — «Revue d'économie politique».
2. *Чаянов А.В.* (1925). Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооперативное изд-во. Научное переиздание см.: *Чаянов А.В.* (1989). Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика. С. 194–442.

статьей, и фейерверк политических и идеологических обвинений, против которых я решительно протестую и которые считаю необоснованными.

Обращаюсь к этому последнему.

В ноябре 1927 г., перед самым своим отъездом за границу, я прочитал два почти тождественных доклада — на юбилейных собраниях студентов ТСХА[3] и на пленуме Института СХ Экономии, посвященном 10-летию Октября — на тему «Развитие учения об организации сельского хозяйства за 10 лет советской власти», которые никаких протестов ни с чьей стороны не вызвали. Уезжая за границу, я взял черновики этих докладов с собой, рассчитывая, что мне, как обычно, придется, сообразно поручению ВОКСа[4], выступить с докладами для обществ «Друзей СССР» (доклады в несколько другой плоскости были мной действительно сделаны в Риме в нашем полпредстве и в Базеле в обществе статистиков).

В Париже враждебность ко всему советскому и общая политическая обстановка была такова, что рисковать на публичный доклад я не мог. Профессор Мазон[5], возглавляющий общество «Друзей СССР», посоветовал мне ознакомить французские ученые круги с нашей работой путем опубликования обзора, и при его содействии и помощи Ш. Жида я добился с большим трудом согласия напечатать мою статью. Необходимо иметь в виду, что сам факт появления этой статьи там, где обычно о СССР пишут только враждебные эмигрантские статьи, был уже политическим успехом.

Необходимо отметить, что среди экономических кругов Франции существовало в это время мнение, что никакой советской науки не существует, что все старые ученые выброшены в эмиграцию (именно так утверждали эмигранты), а марксисты, по их мнению, ничего научного создать не могли.

Сообразно этому мои политические задачи состояли в том, чтобы на страницах крупнейшего экономического журнала Франции в качестве беспартийного свидетеля констатировать:

1) что в пределах СССР ведется исключительно большая научная работа,

2) что в ней совершенно свободно работает ряд ученых разных направлений, и никто им в этом не препятствует,

3) что марксистская школа выдвинула уже ряд ученых аграрников, и их работы дали солидные научные результаты.

Причем сделать это нужно было в атмосфере крайнего недоверия и подозрительности.

Для этой цели я и решил использовать материалы своих юбилейных октябрьских выступлений в Москве.

---

3. ТСХА — Тимирязевская сельскохозяйственная академия.
4. ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.
5. Андре (Андрей Альбинович) Мазон (1881–1967) — французский филолог-славист.

По указанию нашего полпредства я привлек к составлению французского текста одного из сотрудников «...», французского коммуниста ..., дав ему свой русский текст и предложив ему дать вольный перевод его на французский, учитывая обстановку Парижа 1927 года.

В результате получилась статья, совершенно искаженная изложением Верменичева.

Статья, указывая, что за последние 10 лет французская наука ничего не знает о развитии нашей научной работы, утверждала, что именно в эти 10 лет экономия сельского хозяйства сделала у нас наибольшие успехи. Далее следовало описание новых сельскохозяйственных ВУЗов, областных опытных станций и их экономических отделов и Губстатбюро, системы плановых органов и ГЗУ и перечень центральных учреждений — ЦСУ, Земплана, Аграрного Института и Института сельскохозяйственной экономии с отметкой о руководстве ими Осинского, Немчинова, Теодоровича (напечатано с опечаткой) и Дубровского. Комакадемия, о чем я очень сожалею, мною не была упомянута, потому что она в то время не имела особого исследовательского аграрного аппарата (ныне в ней организуемого)[6].

Это обилие научной работы мною мотивировалось тем, что наше сельское хозяйство крайне разнообразно и огромно, и тем, что сейчас оно из форм феодальных и натуральных переходит к товарным и «к новому социальному режиму, построенному на принципах кооперации, индустриализации и электрификации».

Далее, говоря о теоретических достижениях, я опирался на свои октябрьские юбилейные доклады и кратко изложил:

1) теорию крестьянского хозяйства, как теорию докапиталистических форм организации земледелия, отметив работы организационно-производственной школы;

2) теорию развития капитализма в земледелии и разложения докапиталистических форм, отметив работы Ленина, Маслова, Крицмана, Немчинова, Анисимова, Верменичева и Наумова (книги Гайстера[7] мне не были тогда знакомы) и подчеркнув исключительные заслуги марксистской школы как таковой в этом круге исследований;

3) бюджетные исследования крестьянских хозяйств, изложив историю которых, я отметил между прочим работы Немчинова и Наумова;

4) исследования по районированию и изучению стандорта сельского хозяйства (отмечены работы Горецкого и Наумова);

5) теорию ирригации и водной ренты;

6. Преобразование аграрной секции Коммунистической академии в Аграрный институт произошло в конце 1928 г.

7. Гайстер Арон Израилевич (1899–1937).

6) работы по анализу севооборотов и экономической оценке сельскохозяйственной техники (работы Минина, Рыкова, Кострова и Цыпленкова);

7) теорию среднего расстояния, эффекта землеустройства и оптимальных размеров (по работам Вайнштейна, Лопатина, Дитякина, Брука, Сазонова и моим).

Далее кратко изложены и упомянуты:

8) работа о конъюнктуре рынка сельскохозяйственных продуктов (Кондратьев);

9) работа об эффективности сельскохозяйственного кредита (Макаров);

10) работы по статистике урожаев (Четвериков, Обухов, Ястремский и Вайнштейн).

Всего мною упомянуто 33 имени; из них 5 или 13% можно причислить к организационно-производственной школе, 11 или 33% марксистов, остальные или другого течения, или же, так сказать, принадлежат к работникам технического порядка.

После трех месяцев выдержки в портфеле редакции, без моего ведома, статья была напечатана, причем редакция, оставив в тексте «...», на заголовке вместо нее поставила «...»[8], дабы не дразнить антисоветских гусей, а саму статью вместо «Парижа» датировать «Москвой», дабы подчеркнуть ее советское происхождение (отметки о моей принадлежности к московским академическим учреждениям были недостаточны, так как все эмигрантские профессора продолжают себя именовать московскими, петербургскими, киевскими и проч.).

Таково происхождение и содержание статьи, я считал и считаю, что ею сделано крупное советское дело, и только полное незнание Верменичевым французской обстановки и свойственная ему болезненная подозрительность могли внушить ему плоскость понимания, с которой он писал свою статью.

Прежде всего о заглавии. Верменичев называет мою статью «вылазкой».

Вылазки всегда делаются из осажденной крепости против осаждающих врагов.

Очевидно, статью нельзя было трактовать как вылазку против кого бы то ни было в пределах СССР, ибо она совершенно не рассчитана на советского читателя, и сам Верменичев впервые узнал о ней, по всем вероятиям, из того экземпляра с авторской подписью, который я ему преподнес.

Можно ли ее трактовать как вылазку против марксизма за границей? Сама история статьи, цитирование 11 марксистских имен (9 из них коммунисты) и выдвижение особой главой работ марксистской школы, высоко оцениваемой автором, говорит как буд-

8. По-видимому, речь идет о том, что в тексте страна названа «URSS», а в заголовке стояло «Russie».

то бы об обратном, а именно о поддержке, а по парижской обстановке — даже о крупной поддержке русской марксисткой школы.

Быть может, я извратил изложение работы? Верменичев из всех 10 тем, мною затронутых, интересуется только двумя: 1) теорией крестьянского хозяйства и 2) дифференциацией.

Я думаю, что свои работы я могу изложить правильно, и если мое изложение отличалось от всех предыдущих напечатанных на русском, немецком, японском и других языках, то только тем, что я сугубо подчеркнул, что речь идет о докапиталистических формах хозяйства, которые, будучи втянуты в капиталистическое общество, начинают разлагаться.

Что же касается изложения работ о дифференциации крестьянского хозяйства, то я отметил малое развитие прямого капиталистического найма, то есть фермерских типов крестьянских хозяйств и, вполне в согласии с самим Верменичевым, сделал упор на развитии сдачи инвентаря и рабочего скота, что, по моему указанию, может создать первичное капиталистическое накопление и нарождение сельской буржуазии. На 30 строках большего сказать нельзя. Верменичев иронизирует над моим заключением, но потом неожиданно говорит, что на этой же точке зрения стоит С.М. Дубровский, то есть моя точка зрения, оказывается, не выходит даже за пределы внутримарксистской полемики.

Говоря иначе, изложение и того и другого как будто бы [не?] содержит уже очень больших ошибок. Верменичев меня винит в том, что я не изложил марксистской критики своей теории. Я вообще, по объему статьи, не мог касаться дискуссий, да они и не были бы понятны французским читателям, и только болезненное воображение может из моей статьи, даже между строк, вычитать, что я сообщаю французам о победе над марксизмом и марксистов беру в пособники себе.

Таким образом, мое изложение может быть не полно, но извращений в них нет, и мне думается, что если я рассказал Франции значительную часть того, что рассказывалось мной, и притом без протестов, в Москве на октябрьских торжествах, то это не есть извращение.

В чем же тогда дело?

Очевидно, не в «вылазке в Европу», ибо тогда Верменичев полемизировал бы со мной не в «Аграрном Фронте», а в «...» и других иностранных органах, как это и делают ныне наши советские экономисты, и крыл бы не эту краткую статью, а мои основные работы, почти все уже переизданные в Европе.

Дело в том, что для обострения и нужного успеха своей атаки на мою работу в пределах СССР, он для обострения критического понимания привлекает для уснащения критики моей основной русской работы мою иностранную статью, имевшую совершенно иной смысл, иное задание и написанную для совершенно иного читателя и в иной обстановке.

Никаких новых объектов для критики эта статья не заключала, и все в ней заключающееся Верменичев мог найти и в основных моих советских изданиях, и их, а не что-нибудь другое, по сути дела, он и критикует, а для сенсации, усиливаемой предвзятыми толкованиями и совершенно необоснованными приписываниями и чтением между строк, — он связывает свое критическое выступление с французской статьей.

Вот против этого-то я и протестую.

Постараемся возможно более точно анализировать текст, вызвавший критику Верменичева.

Приступая в своей статье к изложению русских работ о крестьянском хозяйстве, я должен был французским экономистам, в подавляющем большинстве (за исключением Афталиона[9]) являющихся эпигонами классической школы чуть ли не в стиле Сэя, разъяснить, что не все в мире строится на началах капиталистического хозяйства, основы которого кажутся им универсальными и вечными, но что экономическая жизнь в разных периодах своего исторического развития строится по-разному и что на экономику докапиталистических форм развития нельзя экстраполировать категории зрелого капитализма.

Вот моя основная задача, и в данном случае я не вижу никакого своего расхождения с марксистской точкой зрения.

Сообразно стилю своей статьи я редактировал свою мысль следующим образом:

«Новейшая политическая экономия, начиная от Адама Смита и Рикардо, вплоть до Маркса и современных теоретиков, построена на динамике капиталистического хозяйства. Выводы этой капиталистической политической экономии были, неизвестно почему, приняты, как имеющие универсальный характер, как применимые вполне также хорошо по отношению к другим видам хозяйства, управляемого иными принципами, нежели капиталистические. Таким образом, некоторые европейские государства совершали в своих колониях, хозяйство которых находилось в докапиталистической фазе, многочисленные и грубейшие ошибки и удивлялись затем, видя, например, что фискальная политика, основанная на принципах Рикардо, оказывалась недействительной в Индии или Китае. Эта экстраполяция должна была иметь особенно тяжелые последствия для России, где 90% пахотных земель обрабатывались крестьянами, не прибегавшими к наемному труду».

Верменичев, которому для сенсации нужно меня изобличить в марксоедстве, не найдя в статье ничего более подходящего, ухватывается за последнюю фразу абзаца и клятвенно уверяет, что, написав ее, я имел в виду марксизм (почему? отчего? — никак понять невозможно) и что поскольку, по мнению Верменичева, марксизм как течение мог выявлять свои суждения только после революции

9. Альбер Афтальон (1874–1956).

(а борьба народников и марксистов? А работы Ленина и Маслова?), уверяет, что в этой фразе я имею в виду экономическую политику Советской власти, руководимую марксистами, и далее разражается фейерверком всяческих обвинений.

Однако употребляя этот полемический прием, Верменичев упускает два обстоятельства:

1) В моей статье непосредственно вслед за фразой о невозможности экстраполировать на крестьянское хозяйство категории капиталистического общества написано, что «в течение более чем 20 лет русские экономисты в своих работах отмечали абсолютную невозможность применить для экономии нашего крестьянского хозяйства дедукции классической политической экономии».

2) Что многие из читателей прочтут не только первые три политически заостренные страницы [статьи] Верменичева, но и ее научно-критическую часть, а в ней, к своему изумлению, фразу: «мелкотоварное хозяйство, конечно, не есть капиталистическое хозяйство» (стр. 22), то есть убедятся в том, что и сам Верменичев считает невозможным перенос категорий зрелого капитализма, в котором только и мыслят мои французские читатели всю хозяйственную жизнь, на экономику простого товарного хозяйства. А ведь только об этом я и писал.

А кроме того, я, да и никто из советских экономистов, не назовет, я думаю, нашу советскую экономическую политику «экстраполяцией принципов капиталистического хозяйства на крестьянство». Наша плановая политика эпохи социалистической реконструкции народного хозяйства руководится, по-моему, отнюдь не принципами капиталистического хозяйства. Поэтому если бы я считал момент подходящим, то с гораздо большим основанием мог бы обвинять его в том, что он, обвиняя меня в том, что говоря о невозможности переноса капиталистических дедукций на крестьянское хозяйство, имею в виду политику пролетарского государства, тем самым допускает лишь, что эта политика как-то связана с принципами капитализма, что является грубой идеологической ошибкой.

Все остальные выпады Верменичева в политической части статьи имеют такие же основания (на его серьезную научную критику я отвечу отдельно столь же подробной статьей). Я не могу даже сказать, что Верменичев делает из мухи слона, ибо в данном случае даже и мухи-то не существует.

С другой стороны, я должен признать, что не только в этой статье, сколько в ряде других заметок, напечатанных за границей, у меня встречаются недостаточно точные и неясные формулировки и редакционные поправки иностранных редакторов, которые формально могут дать повод к обвинению в стиле Верменичева. Постараюсь впредь более тщательно редактировать свои обзоры.

Кроме того, я считаю необходимым отметить, что все мои информации шли упорно в плоскости организации хозяйства и географии сельского хозяйства, то есть того узкого понимания сельско-

хозяйственной экономии, которое свойственно терминам «...», «...» и им подобным за границей. Поэтому я почти не касался в них работ о социальной структуре земледелия и об экономической политике, а так как большинство марксистских работ проведено именно в плоскости этих тем, то этим именно и объясняется мое якобы «замалчивание» марксистских работ.

Последнее легко исправимо тем, что в ближайшее время я постараюсь в европейской и американской прессе поместить ряд обзоров о наших социально-экономических работах и о работах по реконструкции земледелия.

Верменичев, несколько месяцев работая моим ближайшим помощником, имел тысячу возможностей по-товарищески указать мне на эти свои недоумения и тем ускорить появление моих статей о социально-экономических проблемах и социалистической реконструкции в европейской и американской прессе.

Вместо этого он предпочел прибегнуть к приемам, которые вряд ли могут служить примером «бережного отношения к нашим научным работникам».

Сообразно изложенному я прошу Коллегию Института рассмотреть следующие вопросы:

1) Может ли моя статья в какой-нибудь степени рассматриваться объективно как антимарксистское выступление, в то время как субъективно я считаю, что она является укреплением наших советских вообще и марксистских в частности работ в европейских академических кругах.

2) Должен ли я в своей обширной переписке и печатных работах за границей продолжать информацию о наших советских работах и в том числе и о марксистских, или должен только говорить о своих личных работах.

3) Какие меры я и Коллегия, поскольку я выступал как член Коллегии Института, должны принять по случаю появления статьи Верменичева, дабы рассеять получившееся у читателей мнение, что мое выступление чуть ли не аналогично выступлению Жебелева[10].

профессор А.В. Чаянов

Архив РАН. Ф. 528. Оп. 5. Д. 136. Машинописная копия на папиросной бумаге.

10. Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941), филолог-классик, академик АН СССР в конце 1928 г. был подвергнут травле за публикацию статей в эмигрантских изданиях.

To the Board of the State Institute of Agricultural Economy

A.V. Chayanov

This is a publication of an archival document — a letter of Alexander Vasilievich Chayanov (1888–1937) written in 1928 to the administration of the Research Institute of Agricultural Economy as a response to the criticism of his theory of peasant economy by an agrarian-Marxist and employee of the Institute Ivan Vermenichev. The letter reveals the circumstances of writing and publishing Chayanov's article "The current state of agriculture and agricultural statistics in Russia". This publication characterizes the atmosphere of ideological discussions and persecution of the non-communist scientific thought in the USSR in the late 1920s. The comments were prepared by I.A. Kuznetsov

Keywords: history of economic thought, organization-production school, peasant studies, A.V. Chayanov, I.D. Vermenichev